

ИИ КРЫМ

ШУКШИН И ЕГО РОДИНА

ВЫ ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ

С УТРА ненастилось, было холодно, неуютно. Но после обеда сквозь хмурые тучи пробилась первая солнечная лучина, и златоглавые купола Новодевичьего монастыря заиграли. Стало тихо и хорошо.

Но вот вновь налетел осенний порывистый ветер, сорвал последние листья с деревьев, и они, вальсируя в воздухе, упали под ноги. Заморосил нудный осенний дождь.

Я брел по усыпанной янтарно-багровыми листьями аллее Новодевичьего кладбища. Вспомнились строки из стихотворения Николая Рубцова:

Облетают листья, уплывают
Мимо голых веток и оград...
В эти дни дороже мне
бывают
И дела и образы утрат.

Вот и дорогое моему сердцу место — холмик земли, любовно усыпанный гроздьями красных ягод, с которых изумрудинками стекают дождевики. Но мне кажется, что это вовсе не дождевики, а незыбланные слезы лесной красавицы, имя которой поставлено в титрах известного фильма «Калина красная».

С фотографии смотрят такие задумчивые, печальные глаза... С родины Шукшина, с любимого его места — горы Бикет я привез горсть алтайской земли на его могилу.

Не хватало Шукшину своей

Рано утром искупался в Катунь. Вода холодная, чистая, быстрая.

«И еще есть на Алтае — Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет — рвется из гор. А то вдруг присмирееет в долине — тихо, слышно, как утка в затоне пьет за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая — каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит. Красиво, очень красиво! Не расскажешь словами».

Иду по улочкам Сrostков. Вот усадьба, на месте которой в свое время стоял дом, где 25 июля 1929 года у Марии Сергеевны Шукшиной родился первенец. А вот и тот дом, где прошли детские и юношеские годы Василия Шукшина.

Направляюсь к горе Бикет. Еще издали увидел добротный крестьянский дом, крытый цинковым железом; летняя кухня, банька, огород. Дом этот купил Шукшин своей матери в 1965 году на гонорар за роман «Любовины». В 1976 году здесь открылся музей В. М. Шукшина.

...До позднего вечера в тот день я засиделся на горе Бикет с почитателями творчества Шукшина. С этой горы — Сrostки, как на ладони, вдалеке бегут говорливые воды Катунь, а совсем рядом, под обрывом, в сонном молчании спит тихая речушка Федулочка, и луна отражается в ее спокойных водах. И даже ночью натруженно гудит знаменитый Чуйский тракт.

Гора Бикет. Сюда часто любил приходить Шукшин. Здесь ему всегда хорошо дышалось и легко думалось. Вспомните последние кадры фильма «Печки-лавочки», где Василий Шукшин в роли Ивана Расторгуева сидит босой, ощущая тепло родной земли. Положив руки на колени, задумчиво, печально глядит вдаль и произносит устало: «Все, ребята, конец». Вот эти кадры сняты как раз на Бикете.

Здесь, на горе Бикет, накануне юбилейных Шукшинских чтений, которые были посвящены его 50-летию, мне посчастливилось познакомиться с людьми из Комсомольска-на-Амуре, Воронежа, Москвы, Ленинграда, с Урала. Все они приехали сюда, чтобы поклониться родине Шукшина.

Сrostки — село большое, в нем проживает более трех тысяч человек. Приходится читать публикации, в которых пишут, что Шукшин родился в маленькой деревне. Это совсем не так. Какая же она маленькая, если раньше это был райцентр.

Сrostки... Почему Сrostки? Что и где «срослось»? Версий много. Вот одна из них: здесь когда-то срослись две дороги — знаменитый Чуйский тракт и малоизвестный большак. А может, срослись два села? Были и другие версии, в том числе такая: село называется так потому, что здесь когда-то жил ссыльный по фамилии Сrostкин.

И вот настало воскресное утро. Спозаранку на гору Бикет стали стекаться люди, подъезжала машина за машиной.

К одиннадцати часам гору Бикет нельзя было узнать: она вся была буквально усеяна народом, автомашинами, торговыми палатками.

Трибуна. Смотрящий на собравшихся с портрета Шукшин, чуть с грустинкой в глазах.

«Как ценил он людей! Как любил! Жаль: как любили его — не увидит».

Эти строки написал земляк Шукшина, ныне сотрудник журнала «Сибирские огни» Леонид Чикин.

В одиннадцать утра открылись Шукшинские чтения.

Люди сидели прямо на траве, плотно прижавшись друг к другу, и внимательно слушали выступающих. Я невольно глянул вокруг себя — кругом люди, люди, люди. Смотрю на своих соседей, а на их спинах уселись «хозяева» Бикета — большие алтайские кузнечики. Даже им не хватило места на земле. А люди ничего не замечали, и кузнечики азартно перескакивали с одной спины на другую.

Слово предоставили известному советскому писателю Виктору Петровичу Астафьеву. Сам он сибиряк, но, впервые приехав на Алтай, сказал о Шукшине:

«Я всегда гадал, на что он похож обликом своим, характером, талантом. И только сейчас, здесь понял: он был похож на свою родину, на те места, где мы сегодня собрались».

В своем выступлении московский поэт Алексей Марков выразил такую мысль: «В моем понимании Шукшин — это Есе-

нин в прозе», а писатель Василий Изанович Белов сказал: «Уже давно встал вопрос о памятнике Шукшину в Сrostках».

Своими воспоминаниями о совместной работе с Шукшиным поделился оператор «Мосфильма» Анатолий Заболоцкий:

«Я хорошо знал Шукшина, мы долгое время работали вместе, снимали знаменитую «Калину красную», «Печки-лавочки», другие картины. Иной раз слышишь, что, мол, интерес к Шукшину — нездоровый интерес. Я видел печатное объявление в Москве: за 20 килограммов макулатуры — Дюма, Хейли и Шукшин. Я видел, с каким азартом студенты играли в книжную лотерею, надеясь выиграть томик Шукшина. Сегодня на этой горе собралось столько народу. Неужели это все нездоровый интерес?»

Киноактер Алексей Ванин рассказал один интересный случай. Однажды смотрел он с Шукшиным бокс по телевизору. После окончания вышли на улицу. Шукшин и говорит: «Моя жизнь тоже, как бокс. Вся жизнь свою рассматриваю, как бой в три раунда: молодость, зрелость, старость. Два из этих раундов надо выиграть. Один я уже проиграл».

Выступления следовали одно за другим. И вдруг случилось то, чего, пожалуй, больше всего боялись организаторы чтений — пошел дождь. Напрасно боялись. Шел дождь, а народ и не думал расходиться...

ОКОЛО Дома-музея В. М. Шукшина в Сrostках толпятся люди. Ждут, когда подойдет их очередь.

Немного поодаль стоит мужчина средних лет. Внимательно смотрит на входящих в дом. Как-то незаметно около этого человека собирается группа людей. Подхожу и я. Знакомлюсь. Андрей Леонтьевич Шукшин, дядя Василия Макаровича Шукшина по линии отца (ныне А. Л. Шукшин директор алтайского совхоза имени XXIV съезда КПСС). Вот что он нам рассказал:

«У отца нас было четверо. Старший — Петр — погиб на фронте, второй — Макар, сестра Анна (сейчас живет в г. Бийске) и я. Макара отец любил больше всех, называл его «мой любимый Макарушка». Видимо, за то, что был он очень трудолюбивым, сообразительным, помогал отцу по хозяйству».

В 1929 году наши родители вступили в колхоз и все время являлись его членами.

Женился Макар очень рано — пятнадцати лет — на Марии Сергеевне Половой, которая была старше его на четыре года. Был у них свой дом и подсобное хозяйство. В 1928 году вступили Макар с Марией в колхоз «Пламя коммунизма», отдав свой скот в колхозное стадо.

25 июля 1929 года у них родился первенец — Вася, а через 2 года — Наташа (Наталья Макаровна Зиновьева сейчас живет в Бийске).

Макар Леонтьевич был рядовым колхозником, выполнял разные работы.

Помню, в те годы, в дни празднования Октября, Макар Шукшин с остальными односельчанами выезжал верхом на лошади, чтобы продемонстрировать силу и мощь Советской власти, стойкость коллективного хозяйства и, как все, принимал участие в пении революционных песен.

После смерти мужа Мария Сергеевна вышла замуж за Павла Куксина.

Шукшин так впоследствии вспоминал об отчине: «Теперь знаю: это был человек редкого сердца — добрый, любящий... Будучи холостым парнем, он взял маму с двумя детьми».

У въезда в село Сrostки со стороны Чуйского тракта возвышается белый обелиск. Давайте подойдем к этому священному месту и низко поклонимся тем, кто отдал свою жизнь в борьбе за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти. В списке погибших более 300 имен. В основном это бойцы из тех самых легендарных сибирских дивизий в белых полушубках, что грудью встали на защиту столицы. В списке читаем: «Куксин: Степан, Павел».

Вот как раз Павел Куксин и был отчимом Васи Шукшина.

О детстве своем Шукшин написал и рассказывал много. Автобиографичность его рассказы «Дядя Ермолай», «Племянник главбуха», «Тоголь и Райка», «Первое знакомство с городом», «Рыжий» и другие.

В свое время мать Шукшина отвезла сына к дяде Павлу в Огундай перенимать профессию бухгалтера. Шукшин в рассказе «Племянник главбуха» так описывает свои первые занятия бухгалтерией:

«Девушек в конторе было четыре. Все, как одна, скучные

и глупенькие. Но больше всех он не любил Лидок».

— Ты таблицу умножения знаешь, конечно?

— Знаю, конечно.

— Перемножь вот эти цифры. Только не сбейся!

Витка умножил скучное число на число еще более скучное, получил скучнейший результат и подал Лидок.

— Правильно. Тренируйся больше.

— Ну и дура ты! — не выдержал Витка...

На этом его бухгалтерия закончилась.

В лунные летние вечера после трудового дня Шукшин выходил со своей двухрядной гармонью-хромкой на улицу, где его уже с нетерпением дожидалась сrostкинская молодежь. Все становилось по бокам от гармониста и шли «плетнем» в несколько рядов. Шукшин делал проигрыш на гармонике, затем запевала Олег Бычков зычным голосом заводил:

Ягодничка на лядиочке,
И я на льду, на льду...

И снова проигрывал. И все — в сорок глоток хором под оглушительный свист Сереги Бедарева:

Ягоднички находятяся,
И я себе найду.

Особенно популярной была такая частушка:

Между небом и землей
Поросенок вился.

Эх, он нечаянно хвостом
К небу прицепился.

Вася хорошо играл «Златые горы», вальс «Над волнами», «Товарочку», под которую здорово плясали девчата.

Но скоро не стало гармонии — продали в тяжелую годину за пуд муки.

ПОСЛЕ службы на флоте Шукшин работал учителем русского языка и литературы в Сrostкинской вечерней школе. Я к тому времени окончил Новосибирскую школу киномехаников и показывал фильмы в клубе, который размещался в бывшей церкви.

Как-то привезли в Сrostки ленту нового фильма Сергея Герасимова «Тихий Дон». Сказали, что в фильме играет Шукшин.

В тот вечер в клубе было битком. И кино интересное, да, самое главное, на Васю Шукшина глянуть хочется. А в картине у него, как выяснилось, был всего секундный эпизод: высунулся из-за плетня и, сраженный пулей, упал, так и не сказав ни слова. Расходясь по домам, зрители обсуждали фильм. Многие посмеивались над Шукшиным: мол, можно и не учиться в столице, чтобы из-за плетня выглядывать.

Так скромно начинал Шукшин свой путь в кино, чтобы через несколько лет прийти к фильму «Калина красная». Незадолго до смерти в рабочей тетради пишет: «Никогда, ни разу в своей жизни я не позволил себе пожить расслабленно, развалившись. Вечно напряжен и собран. И хорошо, и плохо. Хорошо — не позволил сшибить себя, плохо — начинаю дергаться, сплю с зажатыми кулаками... Это может плохо кончиться, могу треснуть от напряжения».

Сrostкинскую среднюю школу № 32 Шукшин окончил в 1953 году. Восьмой, девятый и десятый классы Шукшин окончил за три месяца.

Учительница М. И. Прозорова вспоминает:

«С Васей Шукшиным учился в одной школе, в один год пошел в первый класс. Школа от нас была близко, бегали в нее по одной улочке. Отлично помню, как он вернулся с флота. Я в это время работала учительницей в Сrostкинской средней школе, принимала у него экзамен по русскому языку. Вскоре Шукшина назначили директором вечерней школы и одновременно он вел литературу, русский язык, географию, а образование среднее...»

«Одно время я был учителем сельской школы для взрослых, — вспоминал Шукшин. — Учитель я был, честно говоря, неважнецкий (без специального образования, без опыта), но не могу и теперь забыть, как хорошо, благодарно смотрели на меня нарабатывавшиеся за день парни и девушки, когда мне удавалось рассказать им что-нибудь важное, интересное и интересно (я преподавал русский язык и литературу). Я любил их в такие минуты. И в глубине души не без гордости и счастья верил: вот теперь, в эти минуты, я делаю настоящее, хорошее дело. Жалко, мало у нас в жизни таких минут. Из них составляется счастье».

Сложный и тернистый путь прошел Шукшин. Об этом много сказано, написано, об этом еще расскажут и поведают другие.

Александр ЛЕБЕДЕВ.

малой родины в столице, родная земля ему даже по ночам снилась. Он спал и видел себя там, на Алтае, в Сrostках.

На память невольно приходит одно из последних писем Шукшина к матери:

«Здравствуй, родная моя! Сам измучился и вас измучил своими обещаниями приехать. Все никак не могу вырваться... Сам соскучился, сил нет».

Мама, одна просьба: пока меня нет, не придумывайте ничего с домом, т. е. не продавайте... У меня в мыслях-то в дальнейшем — большие дома жить, а дом мне этот нравится. Вот после этой большой картины подумываю с кино связываться пореже, совсем редко, а лучше писать и жить дома... Тянуть эти три воя уже как-то не под силу становится. И вот мечтаю жить и работать с удовольствием на своей родине».

Посадил я на могиле Шукшина три маленьких дубочка, которые привез с родины М. Шолохова, из станицы Вешенской, от знаменитого 400-летнего дуба.

Дон... Он в последнее время тянул к себе Шукшина. Здесь он собрался осуществить свою заветную мечту — поставить фильм о Степане Разине и сыграть главную роль. Но не пришлось... Так пускай теперь согревает его горсть родной земли и шумят три дуба с Дона, напевая задушевные песни о его герое — Степане Разине.

Беру книгу в зеленом переплете: «Василий Шукшин. Беседы при ясной луне». Читаю первые попавшиеся строки: «Вот жалуют: Есенин мало прожил. Ровно — с песню. Будь она, эта песня, длинной, она не была бы такой длинной. Длинных песен не бывает». Пройдет время, и в одной из статей Льва Аннинского прочту: «И все-таки главная песня, с которой Шукшин пришел в духовную жизнь нашу из реальных своих университетов, — эта песня допета, этот опыт исчерпан, эта судьба испытана до конца».

КИНОПОВЕСТЬ «Живет такой парень» начинается словами: «Есть на Алтае тракт — Чуйский. Красивая стремительная дорога, как след бича, стеганушего по горам».

Много всякой всячины рассказывается, поется, выдумывается о нем. Все удалые молодцы, все головорезы былых лет, все легенды — все с Чуйского тракта».

Так писал Шукшин.

И вот я еду на его родину. Еще издали заметил указатель «Сrostки». Охватило радостное волнение. Первая встреча с родиной Шукшина.

Сrostки — улочки уютные и совхозные поля.

По бокам от тракта Чуйского Разлетелись тополя.

...Утром меня разбудили пелухи. Как это здорово и приятно для городского жителя, который каждое утро под своим окном слышит шум машин, проснуться вдруг под пелухиное пение.